

УДК 821.161.1-31(Сорокин В.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,44

ГСНТИ 17.07.41

Код ВАК 10.01.01

О. Н. Турышева
Екатеринбург, Россия**СОЖЖЕНИЕ КНИГ: НОВАЯ СЕМАНТИКА СТАРОГО МОТИВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. СОРОКИНА «МАНАРАГА»)**

Аннотация. Предмет статьи — смысловое наполнение мотива сожжения книг в романе В. Сорокина «Манарага» (2017). Оригинальность данного мотива в исследуемом романе выявляется в результате сопоставления его с произведениями предшествующей литературы, разрабатывающими тему библиоклазма. Среди них романы М. Сервантеса, Р. Брэдбери, У. Эко, Й. Шимманга, К.-М. Домингеса, Э. Канетти, а также новеллы Х. Борхеса и пьеса А. Нотомб. В статье выделяются те причины сожжения книг, которые были зафиксированы художественной литературой. Это представление о книге как источнике зла и угрозы, или разочарование в книжных иллюзиях, или требования трагических обстоятельств. Данная типология используется для обоснования оригинальности изобретенного В. Сорокиным мотива. Также выдвигается положение о том, что антиутопический сюжет романа не в последнюю очередь складывается на почве современной научной рефлексии о путях развития книжной культуры. Современный литературно-теоретический дискурс рассматривается в качестве оптики, использованной автором для взгляда в недалекое европейское будущее. Доказывается, что сорокинский прогноз обеспечивают концепция революционного развития книжной культуры, сложившаяся в современной социологической мысли, рефлексия о массовой литературе и массовом читателе, о литературном каноне, о внешних детерминантах развития книжной культуры, о читателе как субъекте литературного процесса. В статье не утверждается, что Сорокин целенаправленно опирается на теоретическую мысль рубежа веков. Речь идет о феномене, получившем свое классическое описание у Ролана Барта — в идее присутствия в каждом художественном произведении кода той культуры, к которой оно принадлежит. В результате делается вывод о том, что образ будущего, не просто попрощавшегося с бумажной книгой, но предавшей ее огню во имя удовлетворения пищевых потребностей, вовсе не является эксклюзивным авторским изобретением. Он вскормлен страхами нашего времени, как, впрочем, это всегда бывает в жанре антиутопии.

Ключевые слова: литературные мотивы; сожжение книг; антиутопия; кризис литературоцентризма; русская литература; русские писатели; литературное творчество.

O. N. Turysheva
Ekaterinburg, Russia**BOOKS BURNING: THE NEW SEMANTICS OF THE OLD MOTIF
(BASED ON THE NOVEL “MANARAGA” BY V. SOROKIN)**

Abstract. The article explores the semantic content of the books burning motif in V. Sorokin's novel *Manaraga* (2017). The particular interpretation of this motif in the studied novel is viewed against the background of other literary works developing the theme of biblioclasm. Among them, the novels by M. Cervantes, R. Bradbury, U. Eco, J. Schimmang, K.-M. Dominguez, E. Canetti, as well as short stories by J. Borges and the play by A. Nothomb. The article highlights those reasons for burning books, which were described in fiction. This is an idea of a book to be a source of evil and threat, or disappointment in book illusions, or the requirements of tragic circumstances. This typology is used to substantiate the originality of Sorokin's motive. The article hypothesizes that the dystopian plot of the novel unfolds on the basis of modern scientific reflection on the ways of book culture development. The author uses contemporary literary and theoretical discourse as a sort of optics for envisioning the near future of Europe. Sorokin's predictions are apparently rooted in modern sociological thought with its conception of the revolutionary development of the book culture, and the reflection on mass literature and the mass reader, the literary canon, the external determinants of book culture, and the reader as a subject of the literary process. However, there is no claim of Sorokin's intentional reference to the theoretical ideas of the turn of the century. It is rather the case of another phenomenon that has received its classic description from Roland Barthes — the idea that each artwork conveys the type of culture it belongs to. As a result, the conclusion is drawn that the image of the future, where a paper book is not merely obliterated, but brought to fire for the sake of satisfying basic food needs, is not at all an exclusive author's invention. He is nurtured by the fears of our times, which is, indeed, the main feature of the dystopian genre.

Keywords: literary motives; books burning; anti-utopia; crisis of literature; Russian literature; Russian writers; writing.

Литературный мотив сожжения (шире — уничтожения) книг имеет не настолько давнюю историю, как в действительности практикуемый библиоклазм, первые опыты которого приходятся на доисторические времена (к самым ранним принято относить уничтожение книг при китайском императоре Цинь Ши-хуанди, мотивы которого являются предметом знаменитой новеллы Х. Борхеса «Стена и книги»¹). И все же этот мотив имеет более чем зрелый возраст: в литературу его ввел Сервантес — в описании «тщательнейшего и забавного осмотра», учиненного библиотеке Дон Кихота священником и

цирюльником, решившими отправить в костер те книги, которые, с их точки зрения, стали источником безумных иллюзий помешавшегося идадьго.

В литературе XX века этот мотив встречается с особой настойчивостью. Причем герои, сжигающие или иным образом уничтожающие книги, всегда действуют исходя из глубоко негативного отношения к ним. Это может быть представление о том, что книга является источником зла и угрозы. Из этих соображений, например, действуют пожарные в романе Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту», обеспечивающие идеологическую стабильность обществу будущего, или слепой Хорхе в романе У. Эко «Имя розы», предпочитающий сжечь библиотеку, похоронив в огне труд Аристотеля «О смехе» во имя спа-

¹ О других формах библиофобии см. в статье: [Щербина 2015].

сения христианской цивилизации. В романе Й. Шимманга «Новый центр» попытку сожжения библиотеки предпринимают сторонники недавно свергнутого тоталитарного режима, справедливо связывая ее основание с возрождением либеральных ценностей [Шимманг 2013].

Литература разрабатывает и другой мотив, которым руководствуются убийцы книг. Это разочарование в тех иллюзиях, которые сложились на почве чтения. Расправу над книгами, не оправдавшими надежд, осуществляет герой романа К.-М. Домингеса «Бумажный дом»: в попытках обрести утешение в любви к библиотеке он терпит крах, что и становится причиной ее жестокого уничтожения [Домингес 2007]. Тот же мотив расправы над книгой присваивает своим «несовершенным библиотекарям» Х. Борхес («Вавилонская библиотека»). Разочарованные тем, что не смогли найти в книгах ожидаемое и легендой завещанное Оправдание, они «швыряли в глубину туннелей обманувшие их [тома]». Отчаяние толкает на поджог библиотеки и героя романа Элиаса Канетти «Ослепление» — библиомана профессора Кина, возлагавшего на книги задачу сопротивления миру дионисийского хаоса. Признав свое бессилие перед кошмарной действительностью и неосуществимость надежд на спасение в библиотеке, он находит исключительную форму единения с ней в безумном аутодафе [Канетти 2000].

В литературе встречается еще один мотив сжигания книг: это обеспечение элементарного выживания. Он разрабатывается, например, в пьесе Амеги Нотомб «Топливо» [Нотомб 2011], герои которой принимают решение жечь книги ради отопления квартиры, вымороченной в период военной катастрофы. Связанные с этим решением трагические изменения и метания, переживаемые героями, и составляют материал пьесы.

Итак, литература фиксирует три причины либроцида: герой уничтожает книгу либо видя в ней угрозу символу своей веры, либо присваивая ей ответственность за крах ею вскормленных иллюзий, либо вынужденно — в силу трагических обстоятельств, когда сохранение книги противоречит закону физического выживания.

На этом фоне следует признать оригинальность изобретенной В. Сорокиным подоплеку сожжения книг. В мире его романа «Манарага» (М.: Corpus, 2017) книга предается огню не вынужденно и не в знак казни — как источник зла или неосуществимых надежд, а в знак симпатии (и в некоторых случаях, даже любви) — как источник особого удовольствия, исторгнуть которое возможно только используя ее в качестве топлива для приготовления пищи. В этом плане мастера бук-ен-гриля выведены Сорокиным как своего рода спасители книг, дарующие им последнее право питать и насыщать своих почитателей — как в прямом, так и в переносном смысле. В цифровом мире, изображенном в «Манараге», книга в качестве предмета традиционного чтения это право утратила, стала ненадобным музейным экспонатом или предметом утилизации. Повара «Манараги», сжигая книги для кулинарных нужд, обеспечивают им единственно возможный в новые времена вариант взаи-

модействия с читателем — своего рода «новый формат сакрализации», по выражению Ю. Щербининой [Щербинина 2017].

Однако эксцентричность сюжета не отменяет впечатления дежавю. Представляется даже, что в романе «Манарага» Сорокин иронизирует по поводу закрепившегося за ним амплуа создателя самых экстравагантных сюжетов: с одной стороны, он предлагает читателю шокирующий своим прогнозом антиутопический сюжет о будущем книжной культуры, а с другой стороны, кодирует в этом сюжете многочисленные цитаты. И это не только автоцитаты из предыдущих произведений, на что разочарованно стали сетовать критики, досадуя на повторяемость образов и мотивов сорокинского творчества, но и цитаты из современного литературно-теоретического дискурса. Думается, что именно этот дискурс не в последнюю очередь образовал оптику, использованную Сорокиным для взгляда в недалекое европейское будущее. В связи с этим уместно было бы вспомнить бартовскую метафору эхокамеры, в рамках которой смысловая целостность текста трактуется как результат взаимодействия в нем разных голосов и кодов.

Интересно, что отсылка (возможно, бессознательная) к этой знаменитой метафоре присутствует в ткани самого романа. Так, герой Сорокина иронически воспринимает информацию своего имплантированного гаджета о том, что существует 18 романов с названием «Эхо войны». Мы склонны рассматривать эту реплику как намек на то, что и сам роман Сорокина возможно встроить в эту парадигму — парадигму литературных высказываний, откликающихся на важнейшие события и явления социальной действительности. В данном случае это и отклик на современную теоретическую мысль, своего рода эхо современного литературоведческого логоса. Эхо, которое в свою очередь позволяет прогнозировать направление и характер культурного развития Европы. Конечно, интертекстуальный код «Манараги» далеко выходит за рамки присутствия в ней научной рефлексии о литературе: Сорокин активно цитирует и стилизует предшествующие и современные художественные тексты, критики также вписали его роман в контекст его собственного творчества [Макеенко 2017, Сапрыкин 2017, Livers 2017], а также в контекст литературы, разрабатывающей проблематику соотношения оригинала и копии (Ирина Щербинина называет такие произведения, как «Никогда не отпускай меня» Кадзуо Исигуро, «Второй экземпляр» Герберта Франке, «Глина» Дэвида Бриана, «Оригиналы» Кэт Патрик, «Идеальная копия» Андреаса Эшбаха, «Девять жизней» Урсулы Ле Гуин [Щербинина 2017]). Но мы остановимся именно на литературно-теоретическом аспекте сорокинской «эхолокации» будущего. Он не в меньшей степени свидетельствует о том, что писатель оформляет в образы уже осмысленное в культуре, а возможно, и уже осуществившееся.

В первую очередь, футурологию «Манараги» обеспечивает концепция *революционного развития книжной культуры*. Формирование этой концепции приходится на 80–90-е годы XX века. По мысли основоположника данного научного направления

французского историка Роже Шартье, каждую эпоху отличает свой «порядок чтения» [Шартье 2001]. Он складывается на почве специфических для каждой эпохи представлений о значении книги и сложившейся модели читательского взаимодействия с ней, которая в свою очередь непосредственно связана с материальными параметрами самого носителя текста (свиток, кодексы или экран). При этом смена порядка чтения, по мысли Шартье, осуществляется революционным путем.

Так, в истории европейской цивилизации выделяется три революции в области чтения. Первая революция связывается (в зависимости от того, что считается поворотным моментом: изменение формы книги, технические изменения в методах воспроизведения текстов или изменение функций текста) либо с переходом от свитка к кодексу во II–IV в. н. э., либо с изобретением книгопечатания, либо с произошедшей в средневековье сменой монастырской модели чтения схоластической моделью.

Вторая революция связывается с культурным переломом рубежа XVIII–XIX веков. Ее главное событие — формирование феномена индивидуального чтения.

Третью революцию в чтении представители данной школы связывают с наступлением эпохи электронных средств массовой информации. Ее главное содержание составляет переход от кодекса к экрану. Распространение электронных способов передачи текстов, пишет Роже Шартье, обусловило совершенно новые модели чтения. В частности, происходит отмена незыблемого ранее закона общения с текстом — закона невмешательства читателя в его сокровенное пространство: текст, читаемый в электронном варианте, становится открытым для читательских манипуляций самого разного рода. Речь идет не только о том, что чтение с экрана позволяет читателю менять структуру текста и создавать «оригинальные текстовые ансамбли» [Кавалло, Шартье 2008: 42]. Речь также идет о том, что текст оказался как никогда ранее открыт для смыслообразующей деятельности читателя — вопреки традиционной установке на проникновение в оригинальный смысл самого текста. Поэтому историю западной книжной культуры Шартье завершает на этапе, который называет эпохой анархического чтения. Анархическое чтение, по Шартье, было легитимизировано цифровой революцией.

Именно с этого момента и начинается свое повествование Сорокин. Следующий (за эпохой анархического чтения) этап в истории чтения он связывает с возникновением страсти использовать раритетные бумажные книги в качестве дров для приготовления еды на мангале (нераритетные экземпляры при этом подлежат прямому уничтожению). Бук-ен-гриль — противозаконная деятельность, сложившаяся в цифровом мире, упразднившем практику чтения бумажных книг, и обеспечивающая развлечение экономической элиты. Носителем текста в данном случае становится не экран, а дым, исходящий от горящих книг и побуждающий едоков к литературным формам поведения (так, клиент, заказавший трапезу на «Преступлении и наказании», по ее

окончанию убивает своих родственников). Подробно прописав историю этого движения, Сорокин показывает, как в его недрах созревает новая революция, преследующая своей целью привлечение к книжно-гастрономическим удовольствиям самых широких масс. Осуществление этого проекта обеспечивает молекулярная машина, способная воспроизводить миллионные копии раритетных экземпляров. Слово «революция» по ходу повествования звучит неоднократно, а рассказ о молекулярной машине, с помощью которой Кухня (организация бук-ен-грилеров) надеется легализовать сжигание книг и создать широкую сеть ресторанов, в которых еду готовят на классике, сопровождается введением в текст образа вождя мирового пролетариата.

Во-вторых, эколокацию будущего в романе Сорокина обеспечивает *рефлексия о массовой литературе и массовом читателе*, превратившаяся в последние годы в активно развивающееся направление научной мысли. В романе присутствуют аллюзии на размышления немецкого теоретика Х.-Р. Яусса и французского социолога Поля Бурдьё. Первым была введена в научный обиход сама метафора кулинарной литературы. Именно так он назвал массовую литературу, имея в виду, что она не требует глубокой рефлексии, а удовлетворяет широкий потребительский запрос, отождествляемый с пищевыми потребностями человека. Эта метафора и получила у Сорокина буквальную реализацию. А до него прием овеществления этой метафоры был осуществлен в романе Т. Толстой «Кысь», в которой чтение непосредственно отождествляется с процессом поглощения пищи.

Пьер Бурдьё разработал идею о конфликте между производством массовой и элитарной литературы как главной движущей пружины развития поля литературы [Бурдьё 2000]. В полном согласии с этой идеей, одни герои романа отстаивают элитарность бук-ен-гриля, а другие изобретают способ приобщения к книжной гастрономии самых простых клиентов. Бук-ен-грилеры у Сорокина легко отождествимы с издателями и критиками — создателями символической ценности литературы.

Этот конфликт является важным элементом проблематики романа, будучи подкреплен еще одной аллюзией — аллюзией на *теорию литературного канона и рефлексию вокруг нее*, особенно обострившуюся в российской гуманитарной науке в связи с выходом в 2017 году русского перевода книги Харольда Блума «Западный канон: Книги и школа всех времен» [Блум 2017]. По модели американского критика, гастронома в мире Сорокина утверждают незыблемость классического канона: некто Анзор «жарит только на Бахтине и для очень дорогой публики», сам Геца (главный герой и повествователь) отказывается жарить на постсоветской литературе («Мы держим марку!»), а сочинения графоманов и фикрайтеров Кухня презрительно именуется валежником (в противопоставлении классике — хорошим «дровам»). На такой интерпретации романа настаивает одно из первых высказываний о нем, принадлежащее Льву Данилкину: «"Манарага" — роман о тех, кто обладает привилегией формировать литературный канон... "вопрос о книгах" — вопрос

не эстетический, а политический... И поскольку — Сорокин, всю жизнь именно с этим феноменом работавший, прекрасно знает это — в литературоцентричной России тот, кто определяет и контролирует литературный канон, контролирует также и цайтгайт, престижность или маргинальность политических практик, моральные критерии, по которым оцениваются внелитературные персонажи. Иными словами, через принятый канон транслируется власть правящего класса, обеспечивается его культурное доминирование, база для существующего общественного договора. Контроль за «списком книг» подразумевает контроль за тем, какая версия истории «правильная», какой вариант будущего задается в качестве ориентира — как желательного, так и нежелательного: потому что смысл антиутопий как раз в том, чтобы пугать ими современников и подталкивать их к превентивным действиям, которые позволят им избежать этого неприятного для них будущего. Литература — это власть, вот что важно; и статус — тот или иной — книгам присваивают «жрецы», они договариваются, кого брать в будущее» [Данилкин 2017].

Политические смыслы «Манараги», однако, не исчерпываются вопросами о литературных формах утверждения власти. У Сорокина находит свое выражение и обратная идея, актуальная в сфере современной социологической мысли о литературе — *идея политики и рынка как важнейших факторов развития самой книжной культуры* (например: [Моретти 2016]). Политический контекст романа Сорокина составляет рефлексия о глобализации: с одной стороны, это утверждение всеобщей взаимосвязи (Кухня обслуживает весь мир), а с другой, констатация разрушительных для единства мира последствий интеграции исламского мира в западный. Эпоха, описанная в романе, отождествляется с Новым средневековьем, наступившим после подавления Второй исламской революции и последовавшей за ней войны. Этот контекст и поддерживает культуру бук-ен-гриля, в которой мастера, строго специализирующиеся на литературе по национальному признаку, разъезжают по миру, обеспечивая потребности новых «читателей».

Роковой же финал романа имеет экономическую мотивировку: радикальных преобразований в сфере книжной культуры требует развивающийся гастрономический рынок, в жертву которому Кухня легко приносит своих бывших соратников.

Но самый главный контекст сорокинской утопии составляет современная *рефлексия о рецепции*, утверждающая читателя полноправным субъектом литературы, вне деятельности которого ее функция неосуществима. В «Манараге» судьбу литературы во всем ее объеме определяет не что иное как потребности и предпочтения читателей. Очевидно, поэтому Сорокин избивает читателя эгоцентриком: с помощью огня извлекая из книги ее драгоценную метафизическую субстанцию, он особенно удовлетворяется невозпроизводимостью акта «чтения». Это однократная «рецепция» музейных экземпляров первоизданных книг. Обеспечивая книге последнее право самоосуществления, читатель в

мире «Манараги» уничтожает ее, подобно тому, как Клеопатра лишала жизни тех, кто ценою жизни платил ей за ночь любви. Думается, что такой поворот в решении вопроса о роли читателя может коррелировать с обеспокоенностью позднего У. Эко, пришедшего к выводу о том, что права читателя были чрезмерно преувеличены в ущерб правам текста (об этом: [Усманова 2000: 121–128]). У. Эко имел в виду постмодернистскую легитимизацию читательского произвола в сфере понимания и интерпретации текста. Сорокин предельно обостряет этот мотив, подразумевая под читательским произволом отказ от традиционного порядка чтения и практику прямого уничтожения книги ради удовлетворения индивидуалистических потребностей.

Итак, роман Сорокина настолько насыщен идеями современной литературной (и, шире, гуманитарной) теории, что не представляется преувеличением утверждение о научной почве произрастания его антиутопического прогноза. Причем это утверждение вовсе не подразумевает, что мы присваиваем Сорокину обязательность целенаправленной опоры на теоретическую мысль рубежа веков. Скорее всего, мы имеем дело с феноменом, получившим свое классическое описание у Ролана Барта, в частности, в идее присутствия в каждом художественном произведении кода той культуры, к которой оно принадлежит. И тогда получается, что образ будущего, не просто поправившегося с бумажной книгой, но предавшего ее огню во имя удовлетворения пищевых потребностей, вовсе не является эксклюзивным авторским изобретением. Он вскормлен страхами нашего времени, как, впрочем, это всегда бывает в жанре антиутопии. В этом плане антиутопия Сорокина не только пугает, революционизируя своих читателей (о чем пишет Л. Данилкин), но и эксплуатирует уже существующую в обществе тревогу, в рамках которой десакрализация литературы воспринимается как символ и симптом регресса социального развития, медиавизации истории и девальвации ценностей. В этом аспекте роман, конечно, солидарен с катастрофическими теориями кризиса литературоцентризма.

ЛИТЕРАТУРА

- Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 672 с.
- Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 45. — С. 22–87.
- Данилкин Л. О чем на самом деле «Манарага» Владимира Сорокина // «Афиша Daily». — 2017. — 14 марта. — Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyayet-lev-danilkin/> (дата обращения: 31.01.2018).
- Домингес К.-М. Бумажный дом / пер. с англ. А. Коробенко. — М.: АСТ; Хранитель, 2007. — 157 с.
- Канетти Э. Ослепление / пер. с нем. С. Апта. — М.: Симпозиум, 2000. — 698 с.
- Кавалло Г., Шартье Р. Ведение // История чтения в западном мире. От Античности до наших дней. — М.: Фаир, 2008. — С. 9–52.
- Макеев Е. Книга недели: роман Владимира Сорокина «Манарага». — Режим доступа: <https://esquire.ru/letters/17682-books-19032017/> (дата обращения: 01.02.2018).

Моретти Ф. Дальнее чтение. — М.: Издательство Института Гайдара, 2016. — 352 с.

Нотомб А. Катиллинии. Пеплум. Топливо / пер. с фр. Н. Хотинской. — М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2011. — 464 с.

Сапрыкин Ю. Библиотека «Огонек»: о романе В. Сорокина «Манарага». — Режим доступа: <https://gorky.media/reviews/biblioteka-ogonek/> (дата обращения: 01.02.2018).

Сорокин В. Манарага. — М.: Corpus, 2017. — 260 с.

Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. — Минск: Пропилей, 2000. — 200 с.

Шартье Р. Письменная культура и общество. — М.: Новое издательство, 2006. — 272 с.

Шимманг Й. Новый центр / пер. с нем. И. С. Алексеевой. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. — 344 с.

Щербинина Ю. Эмптимены начинают и выигрывают // Знамя. — 2017. — № 10. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2017/10/emptimeny-nachinayut-i-vyigryvayut.html> (дата обращения: 25.01.2018).

Щербинина Ю. Бойся книг, домой приходящих // Знамя. — 2015. — № 8. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/8/12ch.html> (дата обращения: 25.01.2018).

Livers K. From Fecal Briquettes to Candy Kremlins: The Edible Ideal in Sorokin's Prose // *Gastronomica: The Journal of Critical Food Studies*. — 2017. — Vol. 17. — № 4. — P. 26–35. — Mode of access: <http://gcfs.ucpress.edu/content/17/4/26> (date of access: 26.01.2018).

REFERENCES

Blum G. Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen / per. s angl. D. Kharitonova. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. — 672 s.

Burd'e P. Pole literary // *Novoe literaturnoe obozrenie*. — 2000. — № 45. — S. 22–87.

Danilkin L. O chem na samom dele «Manaraga» Vladimira Sorokina // «Afisha Daily». — 2017. — 14 marta. — Rezhim dostupa: [https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-](https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyayet-lev-danilkin/)

[samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyayet-lev-danilkin/](https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyayet-lev-danilkin/) (data obrashcheniya: 31.01.2018).

Dominges K.-M. Bumazhnyy dom / per. s angl. A. Korobenko. — M.: AST; Khranitel', 2007. — 157 s.

Kanetti E. Osleplenie / per. s nem. S. Apta. — M.: Simpozium, 2000. — 698 s.

Kavallo G., Shart'e R. Vedenie // *Istoriya chteniya v zapadnom mire. Ot Antichnosti do nashikh dney*. — M.: Fair, 2008. — S. 9–52.

Makeenko E. Kniga nedeli: roman Vladimira Sorokina «Manaraga». — Rezhim dostupa: <https://esquire.ru/letters/17682-books-19032017/> (data obrashcheniya: 01.02.2018).

Moretti F. Dal'nee chtenie. — M.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2016. — 352 s.

Notomb A. Katilinnii. Peplum. Toplivo / per. s fr. N. Khotinskoy. — M.: Inostranka; Azbuka-Attikus, 2011. — 464 s.

Saprykin Yu. Biblioteka «Ogonek»: o romane V. Sorokina «Manaraga». — Rezhim dostupa: <https://gorky.media/reviews/biblioteka-ogonek/> (data obrashcheniya: 01.02.2018).

Sorokin V. Manaraga. — M.: Corpus, 2017. — 260 s.

Usmanova A. R. Umberto Eko: paradoksy interpretatsii. — Minsk: Propilei, 2000. — 200 s.

Shart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. — 272 s.

Shimmang Y. Novyy tsentr / per. s nem. I. S. Alekseevoy. — SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2013. — 344 s.

Shcherbinina Yu. Emptimeny nachinayut i vyigryvayut // *Znamya*. — 2017. — № 10. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/znamia/2017/10/emptimeny-nachinayut-i-vyigryvayut.html> (data obrashcheniya: 25.01.2018).

Shcherbinina Yu. Boysya knig, domoy prikhodyashchikh // *Znamya*. — 2015. — № 8. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/8/12ch.html> (data obrashcheniya: 25.01.2018).

Livers K. From Fecal Briquettes to Candy Kremlins: The Edible Ideal in Sorokin's Prose // *Gastronomica: The Journal of Critical Food Studies*. — 2017. — Vol. 17. — № 4. — P. 26–35. — Mode of access: <http://gcfs.ucpress.edu/content/17/4/26> (date of access: 26.01.2018).

Данные об авторе

Ольга Наумовна Турышева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, к. 302.

E-mail: oltur3@yandex.ru.

About the author

Olga Naumovna Turysheva — Doctor of Philology, Professor, Foreign Literature Department, Ural Federal University (Ekaterinburg).